

Джинни Уизли ненавидела магглов.

Ненавидела их.

Она знала, что не имеет права ненавидеть кого-либо, тем более группу людей, но вся жизнь в бедности, которую она винила в странной одержимости своего отца людьми, настолько отсталыми, что у них даже не было магии, создавала предрассудки слой за слоем.

На самом деле, если быть по-настоящему честной, она ненавидела быть бедной.

Но бедность была абстрактной и с ней трудно было бороться, а магглы были рядом, с историями, которые ее отец приносил домой с работы, с машиной в гараже и его бесконечным увлечением их пустяками. Легче было ненавидеть украденный хлам и людей, которые его делали, чем своих родителей. Легче было обвинять незнакомцев.

Когда мама покупала ей принадлежности для Хогвартса, книги из третьих рук и подержанные мантии, и придирчиво спрашивала, годен ли еще котел Перси или уже нужен другой, Джинни закипала от злости на то, что ей всегда приходилось довольствоваться меньшим.

Она чувствовала презрение в глазах других девочек, стоявших в очереди в магазине. Хуже презрения была жалость.

Одна девушка с блестящими темными волосами отбросила эти идеальные волосы и повернулась спиной к рыжей семье. Посыл был ясен. Ты? Ты, в заплатанной мантии и с кучей крикливых братьев? Ты недостаточно хороша для меня.

Фред скорчил грубую гримасу, а Рон насмешливо потыкал пальцем в спину девушки, но от этого стало еще хуже.

У Фреда был Джордж, у Рона - Гарри, а у нее... ничего.

Она хотела новую одежду, чистые книги и стереть с лица девочки это выражение превосходства, а вместо этого у нее была мама в джемпере ручной вязки, выдавшем лучшие времена, которая с напряженным выражением лица отсчитывала монеты.

Джинни знала этот взгляд. Это был взгляд, который означал: "Положи на место, может быть, у нас дома есть такая же, и, наверное, я могу поискать". Это был взгляд нужды.

Джинни стояла в проходе, пока ее мать отсчитывала монеты и, сузив глаза, задала невысказанный вопрос. - "Почему папа не может просто найти работу в лучшем отделе?" - потребовала она.

"Почему бы вместо грязных магглов не взять что-нибудь другое - что угодно другое - вместо грязных магглов?".

Это привело ее маму в ужас. Молли Уизли зажала рот своему младшему ребенку рукой прямо в магазине и прошептала: "Не говори так".

Хотя Молли когда-то была Прюэтт. Она выросла с большим.

У нее время от времени были хорошие мантии для вечеринок, своя метла, и она никогда не смотрела нервно на шкаф и не думала о том, что, может быть, в этом месяце не хватит, пока она не выйдет замуж по любви и не родит детей по любви, а потом еще больше детей.

Она по-прежнему считала себя чистокровной ведьмой, более могущественной, чем большинство, пережившей, возможно, тяжелые времена, но не бедной.

Джинни знала, что они были бедны. Она знала, что они из низшего класса, как и все те девушки в очереди, несмотря на их выговор среднего класса.

Люциус Малфой, который никогда не был бедным, стоял позади них. Он улыбался с такими идеальными зубами, какие бывают только у любимчиков удачи или после многочисленных визитов к специализированному целителю, и Джинни, скрывая раздражение, ждала презрения или, что еще хуже, снисходительного предложения помочь им.

Ни того, ни другого не последовало. Вместо этого он сказал: "Не ругай ребенка за то, что он спрашивает то, что интересно всем, Молли".

Драко Малфой, стоявший рядом с отцом, светловолосый, самодовольный и высокомерный, одарил Джинни полунасмешливой, полузаговорщицкой ухмылкой.

"Может быть, тебя определят в Слизерин", - сказал он.

Она старалась не возмущаться хрустящей тканью его мантии или блестящим новым котлом, который, как она видела, он держал с удовольствием.

Не его вина, что он был шикарным. По крайней мере, он разговаривал с ней.

"Рейвенкло, наверное, подойдет, но я бы умер, если бы это был Хаффлпафф, а ты?".

Молли Уизли хмуро посмотрела на пару. - "Она попадет в Гриффиндор, как все ее братья до нее", - сказала она. "Как я и Артур".

"Или что?" спокойно спросил Люциус Малфой. - "Выжжешь ее из семейного гобелена?"

Он снова улыбнулся Джинни. - "Если она это сделает", - сказал он. - "Мы с Нарциссой с радостью возьмем тебя к себе".

Молли Уизли шлепнула деньги на прилавок, жалкую кучку кнатов и потертых сиклей, и продавщица начала их отсчитывать.

Джинни не заметила, как Люциус пробормотал: "Я позабочусь об этом".

Она просто видела, как девушка считает монеты в ящик, и почувствовала облегчение от того, что им не придется проходить через неловкость, кладя вещи обратно.

"Увидимся в Хогвартсе", - сказал Драко. Джинни попыталась помахать ему рукой, но мать уже тащила ее из магазина с покупками, наваленными в унылый котел, который, как она решила, все-таки был необходим.

"Я никогда не была так унижена", - сказала она, сжимая руку Джинни так сильно, что стало больно. - "И перед Малфоями тоже".

Она устало вздохнула и переключила свое внимание на ужин и стирку.

"Просто... иди в свою комнату и подумай о том, что ты сказала. Ты поедешь в Хогвартс, попадешь в Гриффиндор, и все будет хорошо".

"Малфой - болван", - сказал Рон. Он вытянул ноги на потертом диване и листал одну из своих новых книг. - "Держись от него подальше".

"Послушай своего брата", - сказала ее мама. - "Ты меня понимаешь?"

"Прекрасно", - сказала Джинни, отдергивая руку.

Оказавшись в своей комнате, сидя на своей покосившейся кровати с залатанным и перелатанным одеялом, она со вздохом вытащила потрепанные книги из своего нового котелка и начала складывать их в свой школьный сундук, тот самый, который принадлежал Биллу.

Одну книгу она не узнала: это был дорогой кожаный дневник с именем мальчика, вытисненным на лицевой стороне золотым шрифтом.

Быстрое перелистывание страниц показало, что в нем никто никогда не писал, и, бросив угрюмый взгляд на закрытую дверь, она решила не говорить маме, что у них по ошибке оказалась лишняя книга. Вместо этого она достала перо, открыла первую страницу и начала писать.

Дорогой дневник. Меня зовут Джинни Уизли. Мне одиннадцать лет, и я скоро начну учиться в Хогвартсе. Я ненавижу быть бедной. Ненавижу. Я не хочу быть в Гриффиндоре, я хочу быть богатой, и я хочу, чтобы та ужасная девочка с длинными волосами пожалела, что отвернулась от меня.

Чернила разбрызгались, когда она слишком сильно ткнула пером в последнюю точку, но она с удовольствием посмотрела на свою первую запись. Вот. Наконец-то она это сказала. Увидев записанные слова, она почувствовала какое-то яростное, злобное удовольствие.

Затем слова улетучились, и она в шоке уставилась на пустую страницу, пока не появились новые слова.

Привет, Джинни. Меня зовут Том Риддл. Приятно познакомиться с тобой. Думаю, у нас может быть несколько общих тем.

<http://tl.rulate.ru/book/81026/2479840>